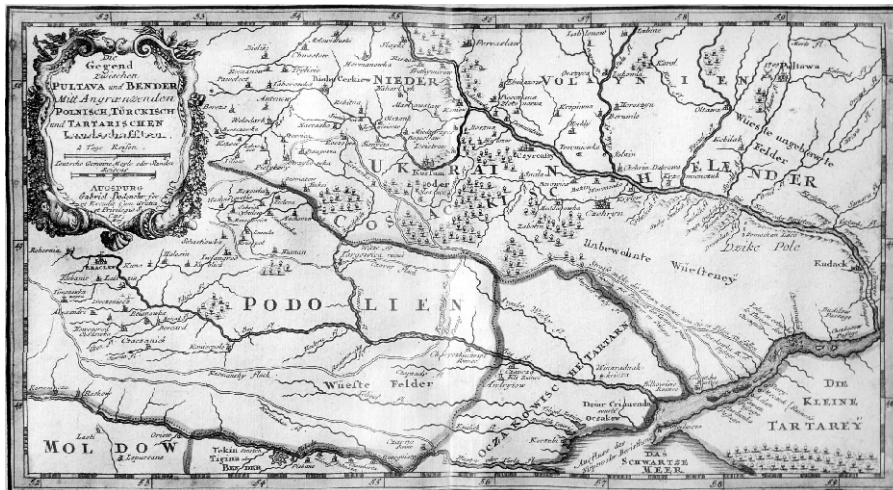

Rozділ IV
Дискусії

Владимир Артамонов

УКРАИНО-РУССКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVII–XVIII ВЕКАХ

Известны соединения государственных образований на договорных началах, существовавшие от нескольких лет до нескольких столетий. Кальмарская (датско-норвежско-шведская) уния 1397 г. близкородственных скандинавских народов просуществовала до 1523 г. со Швецией и до 1814 г. с Норвегией. Уния 1479 г. навсегда объединила королевства Кастилию и Арагон. Люблинская уния Польши и Литовско-Русского государства 1569 г. была ликвидирована Габсбургами, Пруссией и Россией, после 226 лет существования, в 1795 г. Всего 17 лет жила русско-польская уния 1815–1832 гг., созданная Александром I, мечтавшим соединить польский и русский народ «светлой радугой союза». В огне Первой мировой войны сгорела Австро-Венгерская уния 1867–1918 гг. К настоящему времени существует англо-шотландская уния — в 1707 г. два королевства соединились в государство Великобританию. Особый случай представляли династические (личные) унии: шведско-польская 1592–1599, польско-саксонская 1697–1763, англо-ганноверская 1714–1837 гг. и др.

Сопоставление названных уний с воссоединением Украины с Россией в 1654 г. может уточнить его характер (вассальная зависимость, протекторат при широкой автономии, конфедерация, временный военный союз, личная или реальная уния) и причины, по которым русский и украинский народы прожили в одном государстве 337 лет. Попутно можно отметить, что «Третий Рим — Москва» — как центр всего православного мира — принимал «под высокую руку» Украинское гетманство так же, как Молдавское княжество в 1656 и 1711 гг. и грузинские царства Картли, Кахети и Имерети в 1783 г.

В XVII–XVIII вв. за гегемонию в Восточной Европе соперничали четыре крупных державы — Речь Посполитая, Османская империя, Россия и королевство Швеция-Финляндия. Конечно, для мол-

давских господарей, украинских гетманов, грузинских царей или остзейского дворянства свободная уния или конфедеративный союз с одной из этих держав были бы идеальным вариантом, но им приходилось учитывать реальное соотношение сил в своём регионе.

Война Богдана Хмельницкого была национальной, которая не выплеснулась за украинское этническое пространство. Крестьянство Речи Посполитой — ни в Литве, ни в Курляндии, ни в Белоруссии, ни в Малой и Великой Польше — не поднялось (претензии казачества на южную и восточную Белоруссию были вполне естественны при размытости тамошнего национального сознания и наличия общей православной основы).

«Військо руське Запорозьке» билось за «Русію», за «руську церковь», «руську веру», за «народ руській». Со времён Древней Руси на Украине никогда не исчезала идея общерусского православного Отечества («Святой Руси»). Параллельно ей с XVI в. жила государственная идея украинской автономии (независимости) как противовеса католицизму и исламу.

Национальная война, начатая в 1648 г., избавила большую часть украинского народа от польско-шляхетского гнёта. Если гетманы мечтали с помощью Варшавы, Москвы или Стамбула собрать «руськіе» земли от Львова до Полтавы и от Полесья до Запорожья, то великорусская программа была обширнее. Начиная с великого князя владимирского Ивана I Калиты (1328–1340) и особенно с Ивана III Великого (1462–1505), русские владетели не переставали считать себя государями «Всея Руси», то есть твёрдо придерживались программы воссоединения всего древнерусского наследства.

Русская задержка помощи Украине вплоть до 1654 г. вызывалась неприятными воспоминаниями о «польских уроках» Смутного времени и, в определённой мере, поражающим размахом украинской освободительной войны, впечатление от которой не исчезало вплоть до 1656 г.¹

Присоединив силой Северо-западную Русь в XV в. и завоевав три татарских царства в XVI в., Русское государство воссоединилось с Украинским гетманством на договорных началах. Присяга служить царю «прямо и верно во веки веков», может быть, и была формой стандартного обещания гетманов соседним государям, а

договор 1654 г. изменялся в 1659, 1665, 1669 гг., однако ни украинно-османские, ни украинно-польские соглашения не завершились соединением Украины на три века с Турцией или Польшей.

Нельзя не признать, что Россия осторожно, отступая и наступая, стремилась ликвидировать молодую украинскую государственность, однако сводить украинно-русские отношения XVII–XVIII вв. только к экспансии Москвы и к поглощению Гетманщины было бы односторонне. Наступление российского абсолютизма на украинскую, донскую, грузинскую, остзейскую, калмыцкую и др. автономии можно соотнести с наступлением французских королей на свои герцогства, Габсбургов на Чехию и Венгрию, шведских монархов на остзейских сепаратистов, османских султанов на карпато-дунайских господарей. Подобными по внутренней сути были попытки украинских гетманов обуздать запорожскую вольницу (вспомним, что в 1668 г. П. Дорошенко планировал ликвидировать Запорожье силами османов и татар², а И. Мазепа в 1705 г. предлагал русскому правительству «скаженных псов-запорожцев и их проклятое гнездо разорить», принудив оружием к послушанию³.

Для России воссоединение с Украиной ускорило превращение царства в империю. Для Украины Переяславская рада 1654 г. имела позитивные последствия, в главном — расширение ареала украинского этноса в восточном и южном направлениях и объединение (в перспективе) разделённых украинских земель в рамках России/СССР.

Договор 1654 г. был выгоднее, чем шведский протекторат 1657 г. над Украиной, предусматривавший её фиктивную автономию наподобие курляндской, выплату шведам половины всех украинских доходов, назначение киевского митрополита с согласия шведского короля. Давал он больше Украине в социальном и религиозном плане, чем Гадячское соглашение с Польшей в мае 1659 г.⁴

После смерти великого гетмана на Украине не существовало единого силового центра. Гетманщина стала дробиться на части. Украинская государственная идея, не входившая в личные планы старшинской верхушки, деградировала. Юрий Хмельницкий

не был горячим сторонником «державной идеи» и отказался от титула «князя Руського». И. Брюховецкий, не дорожа гетманством, погнался за званием думного боярина и великого воеводы. В 1665 г. он просил прислать из Москвы воевод и ратных людей для управления на Украине и брать доходы в царскую казну⁵.

Века раздельной жизни не могли не сказаться, и начала украино-русской «конвергенции», как можно было ожидать, сопровождалась столкновениями, разногласиями и вооруженными конфликтами 1656–1668 годов. Напряжённость стала нарастать в 1656 г., когда Русское государство, опасаясь возникновения мощного противника в результате поглощения Швецией Польши, пошло на Виленское перемирие с Речью Посполитой, что не отвечало интересам Украинского гетманства.

Украино-русские отношения достигли особой накалённости после Конотопской победы 1659 г. украинских и татарских войск над русской ратью. Однако и тогда гетман И. Выговский не хотел окончательно разрывать с Москвой. Первая редакция Гадячского договора (сентябрь 1658 г.) предусматривала «братские отношения с царём московским»⁶. В 1660 г. Москва даже готова была отказаться от Украины после того, как Юрий Хмельницкий отступился от русских ратей, и те были пленены у Чуднова⁷.

Конечно, «прорусская партия» никогда не исчезала на Украине, тем не менее в 1666–1667 гг. на Левобережье началось стихийное восстание против своей старшины и русских служивых из-за высоких налогов, переписи населения и постоя русских войск. Масла в огонь подлил вынужденный отказ России от борьбы за Правобережье. Однако «руина» и распад Гетманщины начались до русско-польского перемирия 1667 г.

В начале 1668 г. запылало всё Левобережье, и большая часть русских гарнизонов была перебита. После этого русское правительство старалось принимать важные политические решения по согласованию с гетманом и казацкой верхушкой⁸.

Вслед за вспышкой напряжённости 1656–1668 гг. начался длительный период «конвергенции», прерванной лишь авантюрой канцеляриста И. Мазепы — Петрика в 1692 г. «панов убивать и

Москву воевать» и попыткой Мазепы отделить Украину от России в 1708 г.

В войне с поляками 1654–1667 гг. русским ратям и украинским казакам не удалось освободить всё древнерусское наследие от католической оккупации. Несомненно, Москва периодически налагала тяжкую длань на Украину, но, по сравнению с угоном рабов крымско-татарским «союзником», это было менее болезненно.

Помимо военной помощи против недругов украинцы ценили прикрывавшие их русские оборонительные сооружения. Ни гетманы, ни польские короли даже не планировали их создания. Россия, потратив громадные средства на циклопические засечные линии, смогла прикрыть свою часть Украины. Безвозвратная потеря тысяч невольников в Крыму несопоставима с процессами их «быстрой ассимиляции» в ханстве, участием в этногенезе крымских татар и наследованием Украиной «степных традиций»⁹.

Известно, каким болезненным было еврейское арендаторство украинских городов и сёл. Как писал в середине 1930-х гг. еврейский историк Саул Боровой (1903–1989), во время восстания Богдана Хмельницкого привилегированное еврейство однозначно было на стороне польских карателей. Оно жестоко пострадало от казачества и бежало из «проклятой страны Украины» вплоть до Германии, Венеции и Стамбула. Способы умерщвления иудеев (сдирание кожи, топтание лошадьми обрубков тел, закапывание живьём в землю и т. п.) свидетельствуют о накале ненависти в ответ на трёхвековую эксплуатацию¹⁰.

В отличие от условий Гадячского договора, утверждённого сеймом в мае 1659 г., российское законодательство, следуя статьям Зборовского трактата 1649 г.¹¹, запретило повторное появление еврейских арендаторов на Левобережной Украине, где в отличие от Правобережной их не было более ста лет.

В XVII в. русские служилые люди не наделялись поместьями на Гетманщине. Москва гарантировала права казачества и старшины на владение землёй.

В 1672 г. идея объединения казачества по обеим сторонам Днепра под верховной властью царя обретала большую популярность на Правобережной Украине: «По сёлам и по местам полков-

ники и ясаулы и рядовые казаки и мещане... молят Бога, чтоб быть у царского величества в подданстве»¹². В 1674 г. в типографии Киево-Печерского монастыря был отпечатан «Синописис... о начале Славяно-Российского народа» с его идеей политического объединения украинцев и великороссов.

Внешнеполитическая линия Москвы в преддверии русско-польских переговоров о Вечном мире выработывалась путём консультаций с гетманом И. Самойловичем, который в 1686 г. считал, что все «народы тутейше украинне и всё войско як Городове, так Низове, вечно найдовати се маёт в богохранимой их царского пресвителю величества державе» и что следует отговориться от предоставления полякам вспомогательных войск против Крыма¹³.

XVIII столетие, когда Российская империя поднималась к зениту феодальной мощи, не было «пропащим временем» для Украины. В первой четверти этого века новой России, совершившей невиданный в истории модернизационный прорыв, было бы нетрудно забрать древнерусские земли Речи Посполитой, государственная машина которой находилась в развале. Отвоевав у Турции в 1700 г. Приазовье, Пётр I установил российско-украинский контроль над Правобережной Украиной (1704–1712) и после Полтавской победы наметил присоединение Молдавии (1711). Однако на первом плане для великого реформатора стояли глобальные Балтийско-Атлантическая, Черноморская, Каспийско-Индийская и Тихоокеанская доктрины, поэтому «соборизация» Украины пришлась на эпоху Екатерины Великой.

В 1708 г. для старшинской верхушки, казалось бы, наступил удобный момент для свержения «московского ярма» (применение современной украинской историографией терминов «Московия», «московщина», «московиты» для России XVIII в. исторически неоправданно). Однако при вторжении сильной протестантской армии, грабившей продовольствие и делавшей из украинских икон кровати и шахматные доски, Украина на призыв Мазепы не только «не шевельнулась» (М. Грушевский), но начала активную партизанскую войну со шведами¹⁴.

Практически все полки Левобережья и Правобережья остались на стороне Петра I и нового гетмана И. И. Скоропадского.

Крестьянство защищало общее Отечество и православие от «еретиков». Стойкость гарнизонов Стародуба, Мглина, Новгород-Северского, Почепа, Веприка и Полтавы в значительной мере определялась поддержкой населения.

Нерасчётливое выступление Мазепы в 1708 г. по своей масштабности оказалось под стать авантюре «Петрика»: и тот и другой подняли не более трёх тысяч человек, но даже и среди тех были антишведские настроения¹⁵. Быстро оценив далеко не блестящее состояние шведской армии, Мазепа попытался вернуться под протекторат царя¹⁶.

Списывать отказ казачества подняться за Карла XII на «страх», охвативший население после разгрома Батурина, не верно. В своё время польские и татарские карательные зверства не сломили украинский народ. Борясь с партизанщиной, шведы долгие выжигали украинские местечки — Недригайлов, Терны, Опошню, Смелое, Коломак, Каплунович, Городню, Муравну и др.

Нельзя не сострадать тем, кто погиб при разгроме резиденции Мазепы в 1708 г. Жертв можно было избежать или уменьшить их число, если бы мазепинский полковник Д. Чечель и батуринский сотник Д. Нестеренко впустили отряд А. Д. Меншикова в Батурина (как это было в Стародубе, Новгороде-Северском, Полтаве и др.) или согласились бы отступить вместе с этим генералом. Вполне вероятно, жители могли бы уцелеть, если бы Мазепа взял на себя командование гарнизоном и защищался, ожидая скорого подхода Карла XII. Но гетман, заботясь о сохранении своей жизни, бросил «обветшавшую» (по его словам) крепость на произвол судьбы. С 25 октября по 1 ноября Меншиков безуспешно вёл переговоры со старшиной, где «сердюки все, также и прочие тутошние жители, убравшись в замок засели, и, разметав мост, стояли по городу в строю с знаменами и с ружьями и пушками»¹⁷.

2 ноября 1708 г. Меншиков всего за два часа из-под рук шведской армии, находившейся на расстоянии около 60 км, взял замок. Возможно, лёгкость взятия объясняется колебаниями гарнизона, часть которого была на стороне царя. Вопрос о числе погибших — 6 или даже 15 (?) тысяч¹⁸ нуждается в уточнении. Вряд ли были уничтожены все поголовно: «многие успели уйти заранее

и остаться целыми» и вернулись к своим местам¹⁹. 22 декабря 1708 г. Скоропадский выдал универсал батуринскому атаману Д. Харевскому, разрешавший жителям селиться на прежних «посадах и футорах батуринских»²⁰.

Уничтожение резиденции Мазепы не было антиукраинской акцией. В первую очередь, она преследовала цель лишить наступающего противника больших военных и продовольственных запасов. Однако, как и восстание на Дону, после которого было перебито около 23,5 тысячи человек²¹, локальная измена Мазепы, согласно тогдашней военной психологии, подлежала беспощадной расправе. «Батурин в знак изменникам (понеже боронились) другим на приклад зжечь весь», — писал Пётр I А. Д. Меншикову 5 ноября 1708 г.²² Вместе с тем, известно несколько приказов царя о щадящем обращении с украинцами. В случае мародёрства на Украине царь приказывал «офицеров казнить смертью в страх другим, а рядовых, буде меньше десяти человек, то казнить третьего, буде же больше десяти, то седмова или десятого»²³ (не был украинофобом и Меншиков — в 1727 г. русский генералиссимус инициировал восстановление гетманства, иммунитета имений старшины и отмену податей, введённых Малороссийской коллегией).

В переломной битве Северной войны 27 июня 1709 г. союзные шведам мазепинцы, запорожцы и валахи (6–11 тысяч) никак не проявили себя.

После Полтавской победы вся Украина, Восточная Прибалтика и вся Речь Посполитая оказались под протекторатом России (о «номинальном шведском протекторате» над Украиной в 1708–1713 гг.²⁴ говорить не приходится). Только под турецким давлением Россия в 1711–1712 гг. вынуждена была отказаться от контроля над Правобережьем и эвакуировать за Днепр часть населения точно так же, как проводил «сгон» в 1678 г. гетман И. Самойлович. Военные действия поляков, татар, орликовцев, казаков и русских драгун в 1702–1711 гг. основательно опустошили эту приграничную зону. Тем не менее, многие укрылись от эвакуации, часть была перепущена прорусскими отрядами обратно на запад. Вывод о том, что именно Россия нанесла «сокрушительный удар» правобережному казачеству, согнав с мест якобы до 200 тысяч (!) укра-

инцев²⁵, неверен. В 1714 г. поляки, заявлявшие ещё в 1697 и 1699 гг. о ликвидации казачества, перебили большое количество запорожцев и казаков. Именно тогда и было покончено с казачеством на западном берегу Днепра²⁶.

Войны России с Крымом, Турцией и Польшей отвечали и национальным интересам Украины. Балтийская же политика Петра I не вписывалась в интересы Гетманства и казаки активно дезертировали из Прибалтики²⁷. Вот почему русское командование не посылало их на северо-запад. Кровь украинцев не лилась ни в Гольштейне, ни в Финляндии, ни в Померании. Украина не поставляла ни гребцов на русский галерный флот, ни матросов на балтийские корабли, где была огромная смертность. Использование украинской рабочей силы при постройке укреплений Киево-Печерской лавры в 1706–1707 гг., в Петербурге и на Ладожском канале в 1721–1725 гг., крепости св. Креста на Кавказе не подходит под понятие «планомерного украинского геноцида». Согласно последним исследованиям, число погибших на строительных работах в Петербурге и его окрестностях было намного меньшим, чем считалось ранее²⁸.

Пётр Великий, безоглядно крушивший всё, в том числе и патриархат, не ликвидировал окончательно Украинское гетманство. 16 мая 1722 г. в Глухове была организована Малороссийская коллегия, которая хотя и стягивала власть на себя, но не вызвала протеста на Украине (донское войско, подчинённое с 1721 г. Военной коллегии, вплоть до 1913 г. не имело выборного атамана).

Нужда в кадрах заставляла обращаться не только к Европе, но и к Украине. Рязанский митрополит С. Яворский стал главой Синода, Ф. Прокопович формировал идеологическое обоснование самодержавия. Украинское священство считалось своим в Великороссии. Высшая великорусская иерархия наполовину состояла из украинцев. Из 127 архиереев, занимавших в 1700–1762 гг. российские кафедры, 70 было украинцами и белоруссами, 47 великороссами, остальные — греки, сербы, румыны, грузины²⁹. Армейское и флотское духовенство тоже набиралось в значительной мере с Украины. Отечественные историки, отмечая просветительское украинское влияние на школьное дело, зодчество, живопись, лите-

ратуру и музыку, никогда не зачисляли его в рубрику «антиукраинской перекачки интеллектуального потенциала»³⁰.

Как противовес двум прежним гвардейским полкам, при императрице Анне Иоанновне, пытавшейся опереться на остзейское офицерство, в 1730 г. был сформирован новый Измайловский полк гвардии, в котором рядовой состав указывалось набирать из малороссийской старшины и однодворцев, что представлялось огромной привилегией.

В 1731–1735 гг. для защиты Украины от Днестра до Донца была построена Украинская линия с 18 крепостями и 140 редутами (позже от Днестра до Тихого океана был создан единый казачий пояс, западная часть которого была поручена украинскому казачеству).

В Семилетнюю войну рекрутов с Украины, как и прежде, не забирали. Украинцы не гибли в кровавых мясорубках сражений против Фридриха Великого. Потери казаков с Гетманщины и Слобожанщины были незначительными.

В царствование «украинофилки» Елизаветы Петровны произошло нечто вроде «нашествия украинцев» в Петербург. Однако при одинаковой психологии, общем православии и общих неприятелях — католиках с запада и степняках с юга, украинцы, в отличие от немецкой бироновщины, ни в армии, ни в гвардии, ни в церкви, ни в чиновничестве, ни в сфере культуры не встречали отторжения.

Сыну неграмотного реестрового казака, последнему гетману К. Г. Разумовскому (1728–1803) была дана возможность не только стать президентом Императорской Академии Наук и подняться «вровень» с российскими фельдмаршалами, но и распространить с 1751 г. свою власть на Запорожье, вплоть до Азовского побережья и почти до устья Днестра. Ликвидация таможенной границы между Россией и Украиной в 1754 г. активизировала торговые связи.

Контраст в положении «русского» и «польского» украинства был разительным. В то время, как Россия спасала «русскую веру», добиваясь равноправия для православных в Речи Посполитой, поляки насильственно насаждали унию (к 1785 г. в Галичине

не осталось ни одного православного храма). Ответом на социальный и национально-религиозный гнёт стала Гайдаматчина в 1734, 1735–1740, 1750 гг., завершившаяся взрывом «Колиивщины», с её идеей объединённого гетманства под протекторатом России.

Составная часть «Святой Руси» — Украина никогда не считалась колонией (точно так же как Финляндия, остзейские провинции, Польша и Молдавия). Не Левобережная Украина, а Центр держал на себе основную тяжесть российского великодержавия и крепостничества, не украинцы, а великороссы и белорусы составляли основное крепостное население. На Украине подушная подать после официального установления крепостного права в 1783 г. была меньше, удельный вес частновладельческого населения был ниже, чем в России, и оно не было полностью лишено права уходить от владельцев³¹. Срок службы рекрутов с Украины был 15, а не 25 лет. В связи с этим прирост населения на Украине был выше, а смертность и убыль населения ниже, чем у великороссов.

Через век и более после 1654 г. Россия не изменила этнический состав на воссоединённых землях. В XVIII в. Украина не была объектом массовой русской колонизации: 95–99 % населения на Левобережной и Слободской Украине оставались украинцами. Вынудив крымских татар окончательно осесть на землю, Россия распахнула украинцам ворота на юг и юго-восток для сельскохозяйственного освоения. Территория украинского этноса расширялась и на русских землях. За 1744–1763 гг. удельный вес украинцев в Воронежской губернии вырос с 30,3 до 44,6 %, в Новохопёрском уезде на 40,4 %³². Политика «царата» не была «антиукраинским колониализмом» и не стремилась к уничтожению «украинского генотипа».

Восхождение к зениту российского великодержавия шло под «гром побед»: Чесма, завоевание Крымского ханства, разделы Польши, победный мир 1774 г. с османами, подавление восстания на Дону и Яике. После ликвидации крымской угрозы уменьшилась нужда в помощи запорожцев. В 1775 г. Сечь без сопротивления сложила свои прапоры — 12 тысяч запорожцев было преобразовано в «Войско верных казаков» (позже — Черноморское войско) и с 1792 г. они стали защищать рубежи империи на Кубани.

Гораздо меньше — 5 тысяч — ушло за Дунай к туркам. В 1776–1782 гг. население на бывших землях Войска Запорожского выросло более чем вдвое — с 72 до 182 тысяч³³.

К концу XVIII в. Россия закончила свою «реконкисту» и выполнила исторические чаяния «Малой Руси», собрав почти все украинские земли. Разделы Польши 1793 и 1795 гг. никак не подходят под «новые разделы Украины»³⁴. Альтернатива разделам — сохранение польского господства на Правобережной и Западной Украине — вряд ли была лучшей перспективой. Шляхетско-католический гнёт настолько врезался в память, что проекты восстановления в 1812 г. господства шляхты на Правобережье и «Наполеониды» на Левобережье оказались невозможными.

То, чем пугали раньше Мазепа и Ф. Орлик, — полная ликвидация автономии, обращение казаков в регулярные войска, введение рекрутской повинности и крепостничества, не вызвали восстаний.

Если в Речи Посполитой украинская старшина не нашла места, то по «Жалованной грамоте» 1785 г. украинская знать уравнивалась в правах с российским дворянством, освобождалась от обязательной военной службы и получала безраздельную власть над своим крестьянством. Старшина освободилась от военных постоев, её отпрыски стали посылаться в кадетские корпуса и Институт благородных девиц.

При едином религиозном и государственном сознании «конвергенция» переросла в «духовное воссоединение», как бы возвращая времена Древней Руси. На Украине, как и на Балканах, православный царь почитался как сакральный символ, объединявший и защищавший православный мир. Даже в первой трети XIX в. «вера, царь и Русь» были для украинцев «святыней нераздельной и неприкосновенной»³⁵.

Карьера на службе одной из великих империй мира предоставляла огромные преимущества и почёт. Все силы и способности для укрепления просвещённого абсолютизма, считавшегося в XVIII в. самым оптимальным строем, отдавали действительный тайный советник канцлер А. А. Безбородко (1747–1799) и вице-канцлер, сенатор, министр внутренних дел и дипломат В. П. Кочу-

бей (1768–1834). Министр народного просвещения, попечитель Московского университета, сенатор и граф А. К. Разумовский (1748–1822) был сторонником русификации окраин. Кабинет-секретарь, директор Пажеского корпуса, управляющий Дворянским и Ассигнационным банками П. В. Завадовский (1739–1812) укреплял государственные финансы.

Беззаветными «слугами царю» на военном поприще были генерал и петербургский генерал-губернатор М. А. Милорадович (1771–1825), генерал-фельдмаршал, кавказский и киевский генерал-губернатор И. В. Гудович (1741–1820), генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич (1782–1856), герой Отечественной войны 1812 г. генерал-лейтенант Д. П. Неверовский (1771–1813), «кавказский Суворов» генерал П. С. Котляревский (1782–1851).

Тысячи солдат-украинцев считали себя патриотами общего Отечества, подобно герою-вахмистру — «живому символу империи» Д. Ф. Мирощенко (1790–1863), проливавшему кровь в боях против Наполеона I и Наполеона III и вспоминавшего Николая I не иначе, как крестясь и со слезами на глазах³⁶.

Подобно грузину П. И. Багратиону, генералу от кавалерии поляку К. А. Крейцу, армянину князю В. Г. Мадатову, фельдмаршалу немцу фон дер Остен-Сакену и др., все государственные деятели, генералы и ратники с Украины были истовыми российскими державниками, и ни один из них не считал себя «в вековечной неволе под игом имперского народа».

Творцом прекрасного русского духовного гимна «Коль славен» стал директор императорской певческой капеллы Д. С. Бортнянский (1751–1825). Великолепные духовные кантаты создал М. С. Березовский (1745–1777). Вряд ли эти уроженцы Глухова могли бы отточить свой талант в Италии без помощи царской казны.

Мастерские портреты русского дворянства и вельмож создавали Д. Г. Левицкий (1735–1822) и В. Л. Боровиковский (1757–1825), на темы библейской, античной и русской истории писал картины директор Академии художеств А. П. Лосенко (1737–1773). Военную славу России — победы Д. Пожарского и К. Минина, Петра I и А. В. Суворова — воспевали архитектор И. П. Зарудный (ум. 1727), скульпторы И. П. Мартос (1752–1835) и

М. И. Козловский (1753–1802). «Энеидой» И. П. Котляревского (1769–1838), комедиями, одами и сатирами В. В. Капниста (1727–1823) восторгались и на Украине, и в России.

«Гордость русской и украинской культуры» — так можно назвать этих творцов искусства в эпоху расцвета дворянства. Сопоставлять Россию с «загарбником» Чингисханом бессмысленно³⁷.

Восемь десятков лет «встраивания» украинства в систему Короны Польской (1569–1648) окончились грандиозной войной, в составе же России Украина прожила более трёх веков. Сопрежение самосознания «российских украинцев» с общерусской идеей и русским культурным пространством — предмет отдельного исследования. Во всяком случае, этот процесс нельзя подвёрстывать под «сословный эгоизм украинской элиты» или под «деградировавшую нравственность»³⁸. Будущее исследование о вкладе украинцев в культуру, имперское строительство и военное дело России действительно необходимо.

Исторический счёт украинских историков к России/СССР (начиная с разорения Киева князем Андреем Боголюбским в 1169 г. и кончая голодом 1933 г. и «сдачей на милость гитлеровцев» Украины в 1941–1942 гг.) в сравнении с прибалтийскими, среднеазиатскими, северо- и закавказскими «обидами» выделяется особым объёмом и накалом.

Возможно, это вызвано тем, что во время краха СССР при вакууме власти в Северной Евразии остались два реально соперничающих центра — «московский» и «киевский», причём родственная близость (такая же, как у чехов и словаков, сербов и хорватов, а в средневековье как у москвичей с новгородцами до 1478 г.) и с тверичанами до 1485 г. лишь усиливала противостояние (показательна меньшая напряжённость русско-белорусских отношений в связи с тем, что в Белоруссии за XIV–XX века не сложилось такого же сильного очага державности, как на Украине).

Историки-радикалы перенесли нынешнее политическое соперничество в прошлое, расчлняя белорусско-украинско-русскую историю вплоть до IX–X в. Однако концепция «извечного противостояния» украинства «российско-советскому тоталитаризму» узка для исторической науки. Помимо национального мо-

гут быть и другие уровни охвата истории — общерусский (восточно-славянский), общеславянский, общечеловеческий. Доброжелательность, взаимопонимание и правда дадут лучшее понимание нашей общей истории.

¹Яковлева Т. Г. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. — К., 1998. — С. 186.

²Флоря Б. Н. Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе (1667–1671) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. — М., 2001. — С. 89–90.

³И. С. Мазепа — Г. И. Головкину 27 июня 1705 г. из обоза под Киевом над р. Лыбедью. — РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. — 1705. — Д. 3. — Л. 133, 165 об., 169 об.

⁴Яковлева Т. Г. Гетьманщина... — С. 203–204, 315–319.

⁵Яковлева Т. Г. Руїна Гетьманщини. Від Переяславської ради–2 до Андрусівської угоди (1659–1667 рр.). — К., 2003. — С. 473–476; Ее же: Проблема взаимоотношений Украины и России 1654–1667 // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник. — М., 2003. — С. 47.

⁶Яковлева Т. Г. Гетьманщина... — С. 316, 326–327, 435, 440–441.

⁷Яковлева Т. Г. Руїна... — С. 237, 278.

⁸Флоря Б. Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681) // Османская империя... — С. 121.

⁹Галенко О. Дипломатія Кримського ханату (середина XV ст. — 1783) // Нариси з історії дипломатії України. — К., 2001. — С. 213.

¹⁰Пучина бездонная. Хроника Натана Ганновера // Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «Хмельничины»). — М.; Иерусалим, 1997. — С. 40, 43, 94–95, 266.

¹¹Яковлева Т. Г. Гетьманщина... — С. 316, 442.

¹²Флоря Б. Н. Войны Османской империи... — С. 115.

¹³Кочегаров К. А. Речь Посполитая и польско-русский договор о Вечном мире 1686 г.: Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. — М., 2005. — С. 195–198, 325.

¹⁴Переход к шведам И. Мазепы и К. Гордиенко в 1708–1709 гг., также как и анти-московские выступления на Украине в 1657–1659 и 1666–1668 гг. неправильно квалифицировать как «украино-русские войны». (Див.: Горобець В. М. Українсько-російське зближення / відчуження другої половини XVII ст. як результат багатофакторної взаємодії // Україна і Росія в історичній ретроспективі. — К., 2004. — Т. 1. — С. 145, 150, 201).

¹⁵«Мы должны были остерегаться не только неприятеля, но и самих мазепинских казаков, которые были злы на нас». (Див.: Krman D. Itinerarium. Cestovny dennik. — Bratislava, 1984. — S. 102).

¹⁶Неверно представлять ноябрьские письма Мазепы, посланные через Апостола и Галагана к русскому командованию, как провокацию Г. И. Головкина с целью дискредитации гетмана перед Карлом XII (Павленко. С. О. Иван Мазепа. — К., 2003. — С. 389).

¹⁷Письма и бумаги императора Петра Великого (далее — ППВ). — М., 1951. — Т. 8/2. — С. 864.

- ¹⁸Субтельний О. Україна. Історія. — К., 1993. — С. 209; Борщак І., Мартель Р. Іван Мазепа. — К., 1991. — С. 109.
- ¹⁹Костомаров Н. И. Руина. Мазепа. Мазепинці. — М., 1995. — С. 652, 653, 657, 684; После сожжения Батурина Мазепа приказал, чтобы оставшиеся батуринские сотники «со всем борошном в готовности к походу к Москве были». (Див.: Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. — М., 2002. — С. 318).
- ²⁰ППВ. — Т. 8/2. — С. 921. Кабинет-секретарь Петра I А. В. Макаров, по всей вероятности, так и не выяснил у Меншикова, «сколько в Батурине сидело людей и все ль побиты, или некоторые в полон взяты?» (Див.: Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). — М., 2004. — С. 151, 293–294).
- ²¹Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина 1707–1709. — М., 1962. — С. 192.
- ²²ППВ. — Т. 8/1. — С. 274.
- ²³ППВ. — Т. 9/1. — С. 10. Притягивать парижскую печать в подтверждение «зверств москалей» в Батурине методически неверно. «Варфоломеевская резня» Батурина не была «поворотной вехой в истории украинского народа». (Див.: Павленко С. О. Загибель Батурина 2 листопада 1708 року. — Чернігів, 1994. — С. 102 и др.).
- ²⁴Чухліб Т. Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648–1714 р. — К., 1999. — С. 3, 26.
- ²⁵Крикун М. Згін населення з Правобережної України в Лівобережну 1711–1712 років // Україна модерна. — Львів, 1996. — № 1. — С. 69, 84–86.
- ²⁶Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской битвы 1709–1714. — М., 1990. — С. 116–117, 150.
- ²⁷Артамонов В. А. Позиции Гетманской власти и России на Украине в конце XVII — начале XVIII в. // Россия — Украина: история взаимоотношений. — М., 1997. — С. 95.
- ²⁸Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град святого Петра. — СПб., 1999. — С. 78–81.
- ²⁹Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. — Казань, 1914. — Т. 1. — С. 459.
- ³⁰Історія України. Нове бачення. Навчальний посібник. — Вид. 2. — К., 2000. — С. 134.
- ³¹Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. — М., 1990. — С. 134.
- ³²Там же. — С. 102, 114, 124, 204.
- ³³Там же. — С. 194.
- ³⁴Нариси з історії дипломатії України. — К., 2001. — С. 201.
- ³⁵Горизонтов Л. Е. (Рецензия). Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство 1802–1856. Функції, структура, архів. — К., 2001 // Белоруссия и Украина... — С. 378.
- ³⁶Мамышев В. Н. Гренадёр Давыд Фёдорович Мирощенко. — СПб., 1904.
- ³⁷Мицик Ю. Шлягер «жовтої» історіографії в Росії (думки з приводу книг О. Бушкова та А. Буровського) // Схід — Захід (історико-культурологічний збірник). — Харків, 2002. — С. 165.
- ³⁸Історія України. Нове бачення... — С. 140.